

**ВОЙНА
и
МИР**

**ЕГОР
ХОЛМОГОРОВ**

**РЕВАНШ
РУССКОЙ ИСТОРИИ**

Война и мир (Книжный мир)

Егор Холмогоров

Реванш русской истории

«Книжный мир»

2016

Холмогоров Е. С.

Реванш русской истории / Е. С. Холмогоров — «Книжный мир», 2016 — (Война и мир (Книжный мир))

ISBN 978-5-8041-0826-8

В новую книгу известного публициста и идеолога русского национализма Егора Холмогорова вошли его работы, отражающие события Русской Весны, войны в Донбассе и в Сирии, глобального политического кризиса между Россией и США и не только между ними, который не закончен и по сей день. Вместо «конца истории», утонувшей в розовом либеральном болоте, как предсказывали американские философы и пропагандисты, история перезапустилась в невероятном темпе – за полтора года мы видели перемены, которых в иные эпохи занимали десятилетия и столетия. И то ли еще будет! Автор в своей публицистике не только стремился осмыслить меняющуюся прямо на наших глазах историю, но и, порой, пытался предсказывать ее зигзаги, вмешаться в нее, изменить ее течение по мере своих сил. Насколько это ему удалось – судить читателю, но можно с уверенностью сказать одно: тот, кто возьмет в руки эту книгу, сможет не только вновь пережить самые важные исторические события прошедшего года, но и, вместе с автором, глубже понять их смысл, представить, что ждет Россию в ближайшем будущем, повлиять на свою судьбу и судьбу страны. Как говорил сам Егор Холмогоров о своем творчестве: «Я не писатель и не историограф. Я публицист. Это значит – солдат. Моё оружие – слово. И это слово в процессе борьбы гораздо нужнее, чем по её окончании. Сейчас эта книга может что-то изменить, кому-то помочь, кого-то переубедить, кого-то спасти. Потом это будут слова минувших дней. Поэтому я выпускаю эту книгу сейчас, на переломе событий».

ISBN 978-5-8041-0826-8

© Холмогоров Е. С., 2016

© Книжный мир, 2016

Содержание

От автора	6
Золото, ладан и смирна	11
Игра «Сдай Ленинград»	13
Отягощенные Родиной	15
Возвращение жар-птицы	18
Право на Крым	22
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Егор Станиславович Холмогоров

Реванш русской истории

От автора

В этом сборнике вниманию читателя представляются мои тексты, которые объединяют время и место их публикации.

Время – 2014–2015 годы, эпоха Русской Весны, войны в Донбассе, глобального политического кризиса между Россией и США и не только между ними, который еще не закончен и по сей день.

Вместо «конца истории» утонувшей в розовом либеральном болоте, как предсказывали американские философы и пропагандисты, история перезапустилась в невероятном темпе – за полтора года мы видели перемены, которые в иные эпохи занимали десятилетия и столетия. И то ли еще будет.

Автор этих строк как публицист внимательно следил за всем, что происходило и происходит в эти годы, пытался осмыслить, а порой и предсказывать. Не скажу, что все предсказания были удачными – как я теперь понимаю, в том, что я говорил, было слишком много надежды и явно недостаточно учитывалось «трение» реальности – человеческие страх, трусость, жадность и глупость. Но для публицистики естественно желание двинуть реальность вперед, призвать к действию, что, конечно, невозможно без некоторого избыточного оптимизма, коего я не стыжусь.

Место публикации – это газета «Известия» – одна из старейших среди ныне существующих российских газет. История «Известий» полна драматических поворотов – и вот очередной из них: в эти годы отдел «Мнений», редактируемый Борисом Межуевым превратился в орган боевой патриотической оппозиции либеральному «мейнстриму» нашей прессы.

Удивительно, конечно, что столько лет уже власть говорит о государственничестве и патриотизме, либералы об «удушении свободы слова» и «гонениях», но одна и та же клака продолжает контролировать большую часть нашей прессы, как печатной, так и в интернете. «Известия» благодаря решимости Арама Габрелянова вышли из этого рукопожатного строя. Особенно показательна позиция газеты по Донбассу и Новороссии, смелая и острая, не обходящая столь нелюбимых официозом принципиальных вопросов, последовательно патриотическая. Я знаю, как непросто дается удерживать такую позицию и, можете поверить, – она плод настоящей смелости.

Здесь дают слово и Эдуарду Лимонову, и Александру Проханову, и Дмитрию Ольшанскому, и мне, и многим другим, звучит ставший для этой газеты фирменным голос Максима Соколова. В ответ либеральная клака визжит о «неприличии» и «нерукопожатности», но вот только, по факту, мы участвуем в самой интересной и респектабельной газете мнений – и это видно из высоких оценок, даваемых читателями.

Когда-то в детстве у меня была книга одного из видных советских политических обозревателей Александра Бовина «Мир 70-х», составленная именно из его известинских статей. Подростком интересующимся историей и политикой я читал эти очерки международной политики тогда еще совсем недавно закончившегося десятилетия, и мечтал, что может быть, когда-нибудь, и у меня выйдет такая книга известинских политических обозрений. Иногда мечты сбываются – такая книга перед читателем, который может оценить скорость изменения информационных обменов в нашу эпоху. Тот объем текстов, который раньше сочиняли десятилетиями, теперь появляется за год с небольшим в режиме одна колонка в неделю.

Я собрал под этой обложкой большую часть текстов опубликованных мною в «Известиях» с января 2014 по август 2015. Опущены были примерно полтора десятка текстов, часть из которых меня не вполне устраивает, так как была написана второпях и не вполне удовлетворительно со смысловой или стилистической стороны. Опущены, по большей части, тексты, содержащие критику в адрес тех или иных персонажей российской политики, если эти тексты не претендуют на более серьезные обобщения. Кроме того, был опущен ряд текстов уже вышедших ранее в книге «Карать карателей. Хроники Русской Весны», другие, более важные тексты, уже вышедшие в этой книге, сохранены, поскольку вряд ли читательская аудитория обеих книг вполне совпадает.

Дата выхода статей указывалась по электронной публикации на сайте «Известий». В бумажном выпуске эти же статьи появлялись и через день, и через два, и через неделю. Никаких принципиальных правок я не вносил, однако для некоторых статей, ставших теперь главами книги, я вернул их первоначальные авторские названия.

Несмотря на то, что статьи писались в разное время и по разным поводам и, собранные вместе в хронологическом порядке, создают причудливую мозаику, читатель не сможет не заметить наличие в книге нескольких метасюжетов, опорных тем и принципов, к которым я возвращаюсь от статьи к статье.

Прежде всего это *русский национализм*. Автор этих строк всегда исповедовал себя русским националистом и презирал лицемерное деление на мнимо хороший «патриотизм» и мнимо дурной «национализм». Любовь к Отечеству и к народу нераздельны. Патриотизм без национализма – это просто любовь к начальству. Для всякого уважающего себя большого цивилизованного народа естественно ставить в центр своей общественной жизни свою национальную идентичность, свою солидарность, свой язык, свою культуру и свою государственность. Государство русского народа – это Россия. Россия – это государство русского народа.

Надеюсь, читатель отметит ту последовательность, с которой я критикую поползновения на затуманивание национальной идентичности нашего государства – попытки ослабить значение русского языка, утопить нашу историю в мутных волнах мультикультурности – будь то толерантной или евразийской. Напротив, укрепление русской идентичности в России и в каждом из нас, имеющем десятки поколений славянских предков или однажды привившемся к национальному русскому дереву, неизменно остается моей целью. Речь идет как о политических институтах и историческом сознании, так и о быте – обычаях, кухне, одежде, манерах поведения. Не боясь прослыть «славянофилом», но, напротив, с гордостью неся это имя, я считаю, что чем более подлинны мы в своей русскости, тем более великой становится Россия.

Мой особый интерес всегда вызывало постижение *русского геополитического кода*. Я решительно отвергаю популярную у нас ересь британского геополитика Маккиндера о том, что Россия есть сухопутная держава, сердце которой сокрыто в безжизненных и безводных центральноазиатских степях – «Хартленде». От того, что у нас эта англосаксонская теория именуется «евразийством» нам ни капли не легче. На основании этой ереси нас то поучают о ненужности океанского флота, то требуют немедленно принять орды новых кочевников, мигрантов, с которыми нас роднит мнимо общее наследие Чингисхана.

Пространственный фактор русской истории действительно является первостепенным. Россия и русские есть непрерывно расширяющееся в пространстве политическое сообщество. Однако ни о какой «сухопутности» России, мнимо наследующей степным империям, говорить не приходится. Напротив, Россия – это остров. Мы занимаем вполне определенное геополитическое пространство, пронизанное сетью бесчисленных больших и малых рек, омываемое множеством озер и внешних морей. Создатель нашего океанского флота адмирал С.Г. Горшков указал русскому народу определенный путь – от внутренних рек к покорению Океанов, по отношению к которым Россия расположена необычайно удобно. Это утверждение может показаться странным, поскольку мы всегда жаловались на отсутствие у нас выходов к океа-

нам, но сегодня изменение климатических условий, на что обратили внимание западные геополитики, превращает Россию в страну с самым протяженным в мире океанским побережьем. Арктический океан обещает стать завтра-послезавтра пространством интенсивных и быстрых коммуникаций между самыми развитыми регионами планеты расположенными в северном полушарии. И именно Россия призвана стать хозяйкой Северного Океана в который впадает большинство её великих рек и который она, вопреки видимому неудобству, избрала для своего распространения точно явное предназначение.

Именно там, где русские осваивают традиционный для нас вмещающий речной ландшафт, там нам неизменно сопутствует успех. Загадочный «Остров Русов» эпохи легендарных варяжских дальних походов остается геополитической реальностью и сегодня, что замечательно было показано нашим великим современником Вадимом Цымбурским, сумевшим с одновременной ясностью показать и необходимость русского изоляционизма, от растворения русской судьбы в вымышленных «общих судьбах», и необходимость интенсивного внутреннего освоения России, полной и по сей день множества трудных пространств на севере и востоке, и необходимость драться за ту часть нашего утерянного в 1991 году пространства, которая действительно важна – прежде всего за Новороссию и Крым.

Третья, пожалуй наиболее громко звучащая в этой книге тема, – это тема *русской ирреденты*. Ошибки конструкций царской и, особенно, советской империй привели к тому, что из пространства русской идеи и русской власти, из политического оформления русского мира, они превратились в инкубатор чуждых государственных и наций. Разрыв нашего пространства в 1991 году привел к тому, что русские оказались крупнейшим в мире разделенным народом, народом изгоем. А новоизобретенные нации утверждают свою новоприобретенную государственность на русских костях – изгоняя, унижая, уничтожая наш народ языковой и культурной дискриминацией, а то и физическим террором.

Не покушаясь на чужое, русский народ, несомненно, имеет право на воссоединение. И это право может быть осуществлено как политическим путем, при помощи теснейшей интеграции русского мира, так и вооруженной рукой – будь то осуществлением права на восстания или вмешательством Российского государства. То, как поступила Россия в Крыму и Севастополе – образец национально ответственной государственной политики. Моя большая боль, что по тому же пути мы не пошли в Новороссии, в частности – в Донбассе, чем приняли на себя ответственность за разочарование и смерть людей, которые поверили, что Россия не бросит в трудный час. Впрочем, та политика, которая реализуется вопреки логике «минского процесса», уже заслуживает уважения, поддержки и расширения.

Несомненной задачей нашей национальной публицистики является укоренение идей русской ирреденты в умах государства и общества. Максима «право русского народа на воссоединение должно быть реализовано в форме вхождения в состав России» должна стать самоочевидной для нашей политической элиты. И автор подошел к реализации этой задачи со всем рвением.

Большое внимание уделяется в представленных в этой книге статьях и вопросам нашей внешней политики. Мой взгляд на её проблемы характеризуется последовательным *антиамериканизмом* и убежденностью в необходимости укрепления русского *великодержавия*, без вписывания в какие-то отяготительные блоки и военные союзы, то есть разумным *изоляционизмом*.

Антиамериканизм мой связан не с какой-то иррациональной антипатией к США, а с положением этой страны как мирового гегемона, который стал бы мировой империей, если бы Бог наделил бодливых демократического осла и республиканского слона большими рогами. Нам может нравиться или не нравиться историческая Америка, впрочем, всё больше отходящая в прошлое. Сама логика господства США как единственной сверхдержавы в период после окончания Холодной войны, исключает возможность достижения Россией и русскими своих национальных задач. Не большие геополитические амбиции России встречаются в США ярост-

ное сопротивление, а стремление осуществить наше элементарное право жить в нашем собственном доме. Именно поэтому свободная национальная Россия и американская гегемония не совместимы. Чтобы минимально обеспечить интересы России нам придется содействовать существенному ослаблению могущества США.

Однако наивно надеяться, что такое ослабление американской гегемонии может быть достигнуто при помощи конструирования всевозможных внешних союзов – будь то союз с Европой, на который мы так уповали в прошлом году, или союз с Китаем, которым грезим в нынешнем. Пока что проверку на прочность прошел только альянс с Ираном, предопределенный географической судьбой. Взвешенный наступательный изоляционизм сегодня лучшая стратегия для России, так как любые альянсы, пока мы недостаточно сильны, превращаются исключительно в решение чужих проблем за наш счет.

Сирийская война могла бы стать огромной ошибкой, тасканием каштанов из огня для США и ЕС, но не стала благодаря выверенным решениям – Россия пришла туда не как боец «за всё политкорректное против всего террористического» а как друг своих друзей, защищающий свои геополитические интересы и увеличивающий своё державное могущество, которое нам, право же, пригодится и в землях поближе. Этот рецепт – великодержавие ради самих себя, а не ради вымышленных миссий на благо человечества, должен стать единственно верным для нашей внешней политики в будущем.

Еще одна острая сквозная тема этой книги – защита *консервативных ценностей* как живого и действенного жизненного идеала. Сегодняшний мир как кислотой разъеден всевозможными формами либерализма, превращающего богосотворенное *ничто* в мутное не пойми что, стремительно становящееся ничем. Для России опыт «либерализации» и истеричного саморазрушения оказался особенно болезненным, обойдясь нам крахом экономики, изведением под корень миллионов людей «не вписавшихся в рынок».

Сегодня мода на экономический либерализм прошла не только у нас (хотя как раз у нас ригидные правительственные чиновники и оппозиционная публика за него по-прежнему держатся). Но зато в моду вошло интенсивное разложение человеческой природы – понятий о браке и семье. Америка на наших глазах превращается в агрессивный ЛГБТ-феминистский халифат, ничем принципиальным не отличающийся от халифата исламистского – то же презрение к человеку и свободе.

Важный для меня тезис сформулирован великим французским историком и мыслителем Фернаном Броделем: цивилизация – это умение говорить «Нет». Только цивилизация, которая способна отказываться от определенных заимствований, сохранять неприкосновенным своё ценностное ядро даже ценой собственной жизни, имеет право называться «цивилизацией» в подлинном смысле слова.

Россия и русские слишком долго давали обманывать себя разговорами о «широте» нашей души и мнимой нашей «всечеловечности» (которую Достоевский понимал не как всепримятие, а напротив – как ковчег спасения для того, что осталось здорового и чистого в Европе). Нам давно пора учиться говорить «Нет». Слишком долго в нас вбивали безумный социальный алгоритм «обратной реципрокации», когда русский старался не ударить в грязь перед иностранцем и завоевать его расположение и делал это за счет грубости, безразличия и хищничества в отношении своих же, самых близких.

Нам следует навсегда покончить с этим уникальным антропологическим феноменом и быть заботливыми и близкими в отношении своих, а вот к чужим людям, установлениям и идеям относиться по остаточному принципу и с разбором. Лишь в одной сфере человеческой жизни интерес к чужому полезен – в сфере мысли и интеллектуальной свободы. И читатель, надеюсь, заметит, что упрямая узость ценностей не означает у автора этих строк узости умственного горизонта. Но принцип: ведать всё, пробовать немного, избирать лучшее, – еще никогда никого не подводил.

Обнинск. 13 ноября 2015 г.

Золото, ладан и смирна

В Москву принесены дары волхвов. Это древняя святыня, отсылающая нас к событиям Рождества Спасителя. Перепись по всей империи, велением кесаря. Жалкий хлев в Вифлееме. Пастухи, первыми пришедшие на свет Звезды. И три царя с Востока, принесших Богомладенцу золото – как царю всего сотворенного мира, ладан – как его Первосвященнику, и смирну – как тому, кто как агнец пойдет на заклание, взяв на себя грехи мира, кто принесет за нас жертву, не убоившись даже смерти.

Золото и ладан напоминают нам о том, что каждому христианину даровано «царственное священство» по образу Христа – призвание быть светом миру, служить Богу всей своей жизнью. А смирна – свидетельство того, что каждый из нас должен быть верен до смерти, должен быть готов и к смерти ради Христа и веры.

Хотя для наших дней актуальнее смирна (если сомневаетесь, то вспомните, что фанатики-людоеды делают с монахами сирийских православных монастырей), но сохранилось, разумеется, золото, перекованное византийскими мастерами в три изящнейшие подвески. Согласно преданию, Дева Мария сохраняла поднесенное волхвами золото всю свою земную жизнь, а перед успением оставила их иерусалимской церковной общине. Там дары хранились до начала V века, когда византийский император Аркадий перенес их в Константинополь.

Еще в 1200 году новгородский боярин Добрыня Ядрейкович, позднее прославившийся как святой архиепископ Антоний Новгородский, описал свое паломничество в Царьград и упомянул среди святынь Софии Константинопольской «пелены Христовы и дароносимые сосуды златыи, иже принесоша Христу дары». Однако вскоре Константинополь подвергся двум разгромам и разграблениям крестоносцами, а затем турками. Мара Бранкович, дочь последнего сербского государя Георгия Бранковича, была одной из жен султана Мурада II. Ее личные владения были освобождены султаном не только от налогов, но даже от присутствия мусульман. Она и пожертвовала афонскому монастырю Святого Павла реликвию Рождества.

Так что речь идет о древней, очень важной христианской святыне, позволяющей нам прикоснуться и к историческому событию Рождества, когда Бог действительно стал человеком из плоти и крови и через это спас мир и нас с вами, и к двухтысячелетней истории христианской святости и благочестия.

Появление в нашем пространстве тех или иных христианских святынь неизменно вызывает две полярные реакции. Массовый энтузиазм большинства людей, готовых выстаивать многочасовые неудобные очереди, чтобы воздать поклонение чудотворному образу или древней христианской реликвии, с одной стороны. И поток брани и глумления со стороны представителей пресловутого «креативного класса», порой вызывающий подозрение в бесноватости. То «суеверные бабки заполонили першпективу со Стрелки», то «мешают проезду по набережной», то «привезли какие-то тряпки». Не думаю, что исключением станет и реакция на принесение с Афона даров волхвов. Пока огромное число людей притечет к храму, чтобы прославить Рождество Спасителя, некоторые будут глумиться, некоторые с умным видом рассуждать о «фетишизме и неоязычестве», некоторые жаловаться на «неудобства».

Современный мир базируется на глумлении над святыней как на универсальном культурном коде, средстве распознавания своих и чужих. Что поделать, одно из «слабых» мест христиан в современном мире – это наличие святынь. Мы во что-то верим, для нас есть что-то святое, значит, над этим святым можно поизгаляться. И здесь нам поможет дар смирны. Память о смерти и мученичестве. Каждый христианин призван к мученичеству и исповедничеству. И выносить глумление и насмешки, не прятать свою веру, несмотря на них, – это одна из форм мученического подвига, ведь и над Христом насмеялись и оплевывали его. Особая миссия в этом принадлежит христианской интеллигенции. Здесь нужны такое знание, такая глубина,

такая эрудиция, чтобы именно из них и через них веровать «верой бретонской крестьянки». И как раз умение воздавать поклонение материальным святыням – реликвиям и святым мощам – это свидетельство такой веры. Здесь очень важно превозмочь навязанное нам уравнение: «Христианство = духовность = бесплотность». Чем абстрактней, чем бестелесней, тем якобы более подобающе христианской религии. Это, разумеется, полная чушь. И здесь нам поможет другой дар волхвов – ладан, символ священства.

Христианство – это религия Воплощения, о чем свидетельствует праздник Рождества. Христианство – это религия Причастия, причастия Плоти и Крови Спасителя. Православное Христианство – это религия иконопочитания, то есть веры в то, что Бог не «где-то там», а являет Себя здесь и сейчас в материи и видимых образах. Разница между христианством и язычеством не в том, что язычество материально, а христианство «духовно». А в том, что христиане воздают славу, честь и поклонение Богу и Творцу всего сущего, а язычество поклоняется твари вместо Творца, а зачастую и бесам вместо Бога. И когда фетишисты, покупающие на аукционах трусики Мадонны, обвиняют в «фетишизме» христиан, почитавших Ризу Богоматери – это, право же, смешно.

Ну и, наконец, третье обвинение, что богопочитание христиан мешает их сиятельствам кататься вдоль Кропоткинской набережной. Любая сильная религия всегда кому-то мешает. Она напоминает о себе и заставляет с собой считаться. Будучи вторжением в мирскую жизнь иного порядка вещей, религия, если воспринимать ее всерьез, должна быть именно источником не только радости, но и неудобств и некоторого дискомфорта для окружающих. В последние годы мы уже столкнулись с тем, что влиятельная мировая религия и ее приверженцы заняли наши площади и улицы и приносят свои жертвы прямо на них. И, похоже, большинство тех, кто пытается поглумиться над христианами, этот факт не сильно беспокоит. И здесь нам поможет еще один дар волхвов – золото.

Символ царственности. Россия – страна, созданная православными христианами. Москва – город, основанный и построенный православными христианами. Собирающиеся у храмов в дни принесения святынь люди – свидетельство того, что это и по сей день так. «Пусть узнают распутники и развратники, что христиане – хранители, защитники, правители и учителя города», – восклицал в одной из своих проповедей святитель Иоанн Златоуст. На мой вкус, я приносил бы в Москву святыни, достойные массового поклонения людей, почаще. С тем чтобы простую истину: христиане в этом городе не в гостях и не на приставном стульчике – усвоил каждый.

А пока – с Рождеством! Пусть каждый обретет достойные и самые нужные ему дары!

6 января 2014

Игра «Сдай Ленинград»

История с опросом «Дождя» о блокаде Ленинграда на глазах превращается в новое дело Pussy Riot. Огромное количество неглупых людей упускает прекрасную возможность промолчать и торопятся явить миру свое неразумие. Кто-то незамысловато разводит руками: «Ребята, вы невежды и идиоты, но я всё равно с вами». Андрей Дубровский на «Эхе Москвы» признается, что «как историк» он знает, что сдача привела бы как к уничтожению самого города на Неве, так и к гибели его жителей, но «как человек» он не может дать ответа на вопрос, сдавать или не сдавать. Притом что выбрать между позором, при котором погибнут все, и сражением, в котором погибнут некоторые, – не такая уж сложная этическая дилемма.

Другие бросаются за тусовку в атаку с шашкой наголо. Андрей Козенко на Lenta.ru требует у всех, кто критикует «Дождь», немедленно за одну бессонную ночь прочесть «Блокадную книгу» Алеся Адамовича и Даниила Гранина и осознать, что сдать город было просто необходимо. То, что сам Даниил Гранин на сей счет придерживается другого мнения, автора не смущает, он предпочитает встать на точку зрения ленинградского партсекретаря Григория Романова, запрещавшего «Блокадную книгу» именно за то, что «мысли Гранина клонятся к сдаче». Мнения агитпропа партийного и агитпропа либерального снова совпадают друг с другом во всем, кроме знака «минус» или «плюс».

Еще одна неперемнная интеллигентская тема – культ Одной Книги, в которой написана Вся Правда. «Мастер и Маргарита», «Архипелаг ГУЛАГ», «Открытое общество и его враги»... Бесконечные вариации «Бюхнера с Молешоттом» тургеневско-лесковских нигилистов – «книга, где написано, что Бога нет». Это фундаментальный порок того сословия, которое по какому-то недоразумению рассматривает себя в качестве сочных интеллектуалов на русском сероземе. Интеллектуал – это тот, кто прочел хотя бы две книги, сравнил их содержание, обнаружил расхождения и попытался включить свой разум, чтобы их разрешить. Западноевропейский интеллектуализм начался со скандальной книги Петра Абеляра «Да и Нет», где он собрал противоречащие друг другу фрагменты из Писания и святых отцов именно для того, чтобы молодые схоласты поучились сравнивать, согласовывать, доказывать и объяснять.

Именно поэтому я рекомендую Андрею Козенко для анализа еще одну книгу – «Бабий Яр» Анатолия Кузнецова. Бессонную ночь гарантирую. Как и «Блокадная книга», это художественно-документальное повествование о городе, который в отличие от Ленинграда был сдан немцам – точно по методу «Дождя». По разным подсчетам, в Бабьем Яру было уничтожено от 70 тыс. до 150 тыс. жителей Киева, в котором до войны жило 900 тыс. человек. Поскольку сейчас на майдане резвятся идейные наследники тех, кто подносил патроны в Бабьем Яру, данное чтение приобретает дополнительную актуальность. Той же была судьба жителей дважды переходившего из рук в руки Харькова, сданных Одессы, Смоленска, Минска.

Наконец, есть сторонники версии о «провокации Кремля», который, раздув «малозначащий» повод в виде опроса, решил «расправиться со свободным телеканалом и со свободой слова». Понятно, что у «Дождя» и его политического патроната есть сильные противники. Понятно, что они готовы использовать любой удобный случай, чтобы с этим каналом расквитаться. Но ведь случай-то был предоставлен и вправду преудобнейший! Оскорбительное для множества людей, начиная от рядовой блокадницы и заканчивая ленинградцами президентом и премьером, историческое безграмотное, смердяковское по духу высказывание, представленное в форме интерактивного опроса: игра «Сдай Ленинград понарошку».

Помнится, на самой заре интернета мне попала американская компьютерная игра «Дилемма Сталина» – нужно было просто вбивать цифирки в разные колонки при планировании первых пятилеток. А потом нажать на кнопку, и машина подсчитывала тебе, сколько миллионов человек потерял СССР при выбранном тобой варианте развития.

Решения в капитулянтском духе, предложенном «Дождем», неизменно обходились в человеческих жизнях очень дорого. Впрочем, давайте – игра так игра. Нажав «сдать Ленинград», аудитория «Дождя» убила Иосифа Бродского, одного из братьев Стругацких, академика Лихачева и множество других кумиров той самой либеральной интеллигенции. Оборона города, внезапно оказавшегося в блокаде, была непременным условием эвакуации.

Бывают такие пограничные ситуации, когда избежать прихода полицейского возможно лишь в одном случае – при полном единодушии общества и способности решить проблему самим. Такой случай наступил в феврале 2012 после выходки Pussy Riot. Тогда представителям либерального лагеря нужно было сделать только одно: дружно осудить это безобразие, жестко от него отмежеваться, выразить солидарность с Церковью и обозначить моральную готовность наказать хулиганок медийно, общественным презрением и т. д. При такой позиции полицейскому в этой истории ловить было бы нечего.

Именно благодаря истеричной поддержке либеральным лагерем Pussy Riot сложилась ситуация, в которой тема «Пусси» превратилась в универсальную грязь для замазывания всего и вся. Разговор консервативного христианского демократа с либеральным секулярным демократом немедленно прекращался. Городовой с городничим могли распоясаться по полной в уверенности, что защищают святое дело.

Есть все основания полагать, что казус «Дождя» ждет та же судьба. Стайное вписывание в пользу заведомой некомпетентности, нетактичность и непристойность приведет лишь к одному – у тех, кто историю Второй мировой войны знает и для кого слово «блоkada» в ценностном плане не пустой звук, возникнет желание откопать топор войны. Дождь этой войны ценностей станет кислотным, он будет затапливать все проблемы, связанные со свободой слова и мысли, обсуждением острых исторических вопросов. Любой, кто такие вопросы ставит, будет немедленно получать: «Ты, что ли, из этих?» Непременно появятся основания для появления и прокурора, и следователя, и до судьбы может дойти.

Административный ход событий – это, конечно, поражение общества в целом. Потому что историческая дискуссия с документами в руках делает человека умнее, а историческая дискуссия с прокурором оглушает. Она способствует консервации самых дремучих мифов (вроде сказки о том, что достаточно было бы сдать Ленинград – и немцы бы всех накормили), а не их выветриванию. А поддержка нравственных ценностей и исторической памяти следственным комитетом ведут лишь к инфляции этих ценностей.

Но надо понимать, что никто так не содействовал тюрьме для Толоконниковой и Алёхиной, как кидаящаяся «калошами» в патриарха Кирилла Ксения Собчак, так и сегодня – ничто не является большим врагом реальной свободы слова, чем групповщина в поддержке заведомой пошлости и невежества.

29 января 2014

Отягощенные Родиной

Что такое Родина?

Родина – это когда ты, загруженный перестройкой-демократизацией-гласностью пятнадцатилетка, сидя на ракете, посаженной дедом, читаешь Набокова, слушаешь Би-би-си и ешь яблоки с яблони, посаженной прадедом.

Родина – это когда ты потом берешь два десятилитровых ведра, спускаешься километр под горку к «барскому колодцу» и несешь воду бабушке.

Родина – это когда тебя тайком крестят в церкви соседней деревни. Ты еще не веришь в Бога, но уже весело плюешь на сатану.

Родина – это когда ты точно знаешь, сколько Никол от Холмогор до Колы.

Родина – это когда дома на стене икона, перечеркнутая штыком безбожника, оставленная тебе бабкой-старообрядкой, которую звали Олимпиада.

Родина – это когда на твое «до какой години працуете» в ужгородском кафе тебе отвечают: «У нас тут не Львов, говорите нормально».

Родина – это когда ты летишь 9 часов на остров Сахалин и понимаешь, что тут живут точно такие же русские, как и ты, и ты понимаешь, что готов за этот остров умереть.

Навязшую в зубах формулу: «Патриотизм (религия, любовь, национальность – нужное вписать) – это слишком интимное чувство, чтобы показывать его посторонним» придумали ленивые злые люди, чтобы никто не заставлял их симулировать добрые чувства.

Разумеется, любовь к Родине, как и любовь к Богу и ближнему – чувство общественное. Эмоция, которую следует выражать публично. Помните пасхальный канон? «Радостию друг друга обмыем!» Попробуйте последовать этому призыву в одиночестве.

То же и с супружеской любовью. Да, мы в курсе, что бывает брак без любви, но никому еще не пришло в голову таким браком гордиться, а с облегчением разводов и браков таких стало меньше. Даже секс-меньшинства требуют признавать их союзы, ссылаясь именно на то, что «раз двое любят друг друга, то всё остальное неважно». И здесь «интимная» эмоция становится общественным фактом.

Если кто-то говорит вам, что его вера никого не касается, он боится признаться, что ни во что не верит. Если кто-то говорит, что его любовь к Родине – это личное, он боится сказать вам, что вашу Родину не любит, а любит либо какую-то чужую, либо никакую.

Впрочем, в последнее время признаваться не стесняются. «Я не патриот» – это сегодня звучит гордо. Можно понять – когда депутат петербургского заксобрания в один день обличает один из телеканалов за оскорбление блокадников, а на следующий называет тех, кто проголодал меньше четырех месяцев, «недоблокадниками», то потреблять «патриотизм» такого разлива както не хочется.

Однако в основе антипатриотической фронды лежит совершенно ложный тезис, который повторяют все кому не лень, даже не пытаясь его проанализировать:

«Патриотизм – это любовь к государству и принесение в жертву государству себя и других». Поэтому можно услышать, к примеру «Я не патриот, я националист. Я не за начальников, а за народ».

Авторов этой мантры кто-то обманул. Формула «всё для государства, всё во имя государства, ничего помимо государства» принадлежит Муссолини, и это не патриотизм, а фашизм. В лучшем случае – этатизм.

Формула патриотизма совсем другая. Она принадлежит великому Цицерону: «За очаги и алтари». Патриотизм – это любовь к Отечеству.

Отечество – это не государство ни в сувереннотерриториальном, ни тем более в бюрократическом смысле. Отечество – это сообщество, объединенное унаследованной от предков и

передаваемой потомкам совокупностью общественных отношений и принципов их устройства. Если говорить языком римлян: Patria – это *res publica*, существующая в длительной временной протяженности – *aevum*.

Никакого тождества между Отечеством и государством, тем более – политическим режимом нет и быть не может. Долг патриота, считали греки и римляне, – сопротивление тирании. На протяжении всей античности, даже при императорах, тиражировалась во множестве копий статуя «тираноубийц» Гармония и Аристогитона. Их покушение на жизнь тиранов Гиппия и Гиппарха рассматривалось как образцовый патриотический подвиг. Англичане до сих пор гордятся Славной Революцией 1688 года в ходе которой «патриоты» виги свергли абсолютно законного короля Якова II за переход в католичество, профранцузскую политику и нарушение прав граждан и парламента.

Отечество для патриота гораздо выше государства. Он готов критиковать власть и даже сражаться с нею во имя патриотизма, указывая на то, что политика власти Отечеству вредит. Так происходит везде. Даже на Украине и в 2004-м и в 2014-м – «злочинну владу» обвиняют в антипатриотической деятельности и предательстве интересов «громадян».

Сегодняшняя Россия составляет поразительное исключение. Только сегодня у нас критики власти единодушно отдали ей стопроцентную монополию на патриотизм и даже не пытаются ее нарушить, вместо этого признавая: «Патриот обязан любить начальство. Кто не любит начальство, тот не патриот, я вот – не патриот». Объяснение этого парадокса довольно просто. Современные «антипатриоты» имеют конфликт не с режимом и не с государством, а именно с Отечеством. Они не приемлют не столько текущую политику, сколько ту совокупность общественных отношений, которая унаследована нами в длительной временной протяженности. Выражается это у всех по разному: «Рашка достала», «стран рабов», «поганый ватник», «воевали за Сталина и совок». Всё это резюмируется формулой «Всё в этой стране всегда будет так».

Притязание российской бюрократии на то, чтобы патриотизм был формой холопства, поддерживается антипатриотом в полной мере.

Патриотизм в современной России – крайне неудобная идеология именно потому, что сражаться приходится на два фронта. С одной стороны – за очаги и алтари с теми, кто считает их чем-то не стоящим и достойным оплевания. С другой – с бюрократией, которая считает подлинный, не по инструкции патриотизм угрозой чреватой мятежом. Оба противника полагают, что в наследство от предков нам не досталось ничего, кроме рабства, плетки, страха, казенного пустого блеска, напрасных жертв, ненужных подвигов, сизифова труда. Что патриотизм – это грамотное объяснение того, почему мы в очередной раз должны сидеть взаперти идохнуть с голода ради бессмысленной цели.

Иногда мы устаем и, чтобы избавиться от этой войны на два фронта, готовы даже согласиться.

Но вот только...

Родина – это когда много лет интересовавшись Засечной Чертой, вдруг узнаешь, что твоя деревня входила в зону её обеспечения.

Родина – это когда ты в детстве тайком гордишься, что Жукова звали Егором и он тоже калужанин. А потом уезжаешь из Москвы за 101-й километр в Калужскую область.

Родина – это когда ты сорокалетним отцом плачешь от дикой боли, узнав, что в Холмогорах голодают дети, и срочно начинаешь что-то делать.

Родина – это когда ты залез купаться на Херсонесе и вдруг мимо проходит крейсер «Москва».

Родина – это когда в другом ужгородском кафе самые красивые в мире девушки приносят самый вкусный мусс, а в динамиках звучит рэп «Я москаль».

Родина – это когда узнаешь, что Алексей Исаев на зарплату программиста заказывает ксероксы немецких архивов и пишет свои книги про войну в отпуск.

Родина – это когда на Куликовом поле 1 мая залезаешь в воду у слияния Дона и Непрядвы, а жена отговаривает тебя от попыток «испить шеломом Дону».

Родина – это когда потом ты крестишь сына в Боголюбове, а твои друзья Дима и Юля, которые в крестных, венчались в Покрова на Нерли.

6 февраля 2014

Возвращение жар-птицы

Думаю, мало кто из людей, не обделенных элементарной честностью, будет спорить, что презентация России и русской культуры на открытии Олимпиады удалась. Теперь 3 млрд. телезрителей, то есть половина жителей планеты, точно знает, что...

Россия великая огромная прекрасная страна. Эта страна расположена на Острове, который на самом деле – чудесный Кит. Время от времени Кит погружается под воду, и тут всё исчезает, а потом появляется вновь. В России живут русские, похожие на них этнографические группы, а также северные олени (они запомнились детям больше всего – не угадали вот с олимпийским символом). Русские – это люди, у которых пряники превращаются в соборы, а соборы сложены из пряников. Если вам что-то не нравится – Петрушка скачет к вам на расписной филимоновской свистульке.

У русских великая культура. Если вы не согласны – Чайковский, Стравинский и Толстой летят к вам. Русские, кстати, летают по небу на тройке, военных кораблях и паровозах.

Россия – составная часть Европы. Даже когда у нас получалось Как Всегда, мы хотели Как Лучше. Если кто не согласен – к нему с десантом из героев войны 1812 года уже плывет Петр Первый на корабле аргонатов. Привязать русскую цивилизацию к греческой через аргонатов и эллинские колонии в Скифии – гениальный ход, который обязательно надо подхватить.

«Россию основали аргонаты, как Рим – троянцы» – и никак иначе.

Нам внятно всё – и острый галльский смысл, и сумрачный германский гений. Мы даже в ваших ЛГБТценностях кое-что понимаем. Когда в Англии посадили в тюрьму Оскара Уайльда, Александр III платил Чайковскому персональную пенсию (Петр Ильич, конечно, геем не был, но в этом, увы, никого не убедить).

Именно Дягилеву и Нижинскому – не кому-нибудь – удалось шокировать безнравственностью безнравственный Париж. Но, поймите, наш мир – это мир любви, семей и детей. Нам нужно много детей.

Если кто не согласен – к нему идут беременная Исинбаева, жертва травли за свои высказывания в защиту семьи, и великая Роднина, которая не боится ни пошутить над Обамой, ни последовавшей истерической кампанейщины. Новый образ старой России понравился и миру, и нам самим. Но все-таки на внутреннем культурном фронте последовали некоторые недоумения, причем совсем не там, где ожидалось.

С брюзжанием квазилибералов, что «роль сталинских репрессий не раскрыта», справились довольно легко. В конечном счете англичане, на своей Олимпиаде-2012 задавшие новый стандарт национального исторического шоу, показали превращение своего Шири в индустриальный Мордор, но не показывали ни огораживаний, ни виселиц закона о бедных, ни работорговли, ни работных домов, ни первых в истории концлагерей подлой англо-бурской войны.

Не так просто, как ни странно, оказалось справиться с недовольными патриотами. Главные квазипатриотические претензии звучали так: «Почему какой-то Стравинский? Где Прокофьев? Где Шостакович? Что за какие-то безродные космополиты Малевич и Кандинский с Шагалом? Где наши Шишкин с Левитаном?»

Левитан, кстати, был: церквушка на русском острове – очевидная реплика на «Над вечным покоем».

Необходимо понимать, что за XX век у нас нашей советской (а таковой она остается до сих пор) системой образования сформирована весьма превратная иерархия ценностей и приоритетов в оценке русской культуры. Из неё тщательно вымарывалось всё то, что не вполне напоминало социалистический реализм.

Древнерусская литература была почти элиминирована, как и икона, за исключением Андрея Рублева. Из XIX века вычеркивалось или принижалось всё то, что не вело к Максиму

Горькому и Александру Фадееву. Абсолютные литературные ничтожества вроде Чернышевского раздувались до масштаба, равного с Достоевским. Гиганты поэзии, как Тютчев, редуцировались до одной строчки «умом Россию не понять» (нас вообще отучали понимать Россию умом).

Полученный результат жутковат. Мы абсолютно уверены в том, что Запад русскую культуру не знает, не любит и не ценит, стремится любой ценой её принизить. А потом выясняется, что в код общеевропейской культуры вшиты на ведущих позициях десятки русских имен. Но только это не всегда те имена, к которым нас приучили. Мы имеем совершенно провинциальное представление о собственной национальной культуре, и даже образованному русскому приходится переоткрывать свою культуру заново.

Потрясающий пример этого провинциализма – непонимание масштаба фигуры Игоря Стравинского, доминирование которого в музыкальной теме Олимпиады некоторым не понравилось. Этот человек входит в число 10 самых влиятельных композиторов всех времен и народов. Если измерять культуру не популярностью, не шедевральностью, а именно концентрацией творческого духа, движением вперед, той самой креативностью, о которой так много сегодня говорят, то как раз творчество Игоря Федоровича Стравинского является величайшим достижением русской музыки и одним из величайших в истории музыки вообще.

Когда американцы отправляли музыкальное послание инопланетянам на «Вояджере», музыкальную классику представляли четыре композитора: Бах, Моцарт, Бетховен и Стравинский. Вся современная музыкальная культура выросла из его «Весны священной», как Толстой и Достоевский выросли из гоголевской «Шинели». Есть красивый культурный ширпотреб, есть локальные вкусы, которых иностранцу не понять, а есть культурный хай-тек.

Стравинский был русским культурным хай-теком такого класса, что история музыки делится на до и после Стравинского. Работая над «Русскими сезонами» вместе с Дягилевым, Нижинским, Фокиным, Бакстом, Стравинский, ученик Римского-Корсакова, сделал русскую музыкальную культуру, базирующуюся на русском народном фольклоре, неотъемлемым фактом мировой культуры.

Русь «Жар-Птицы» и «Петрушки» – это культурное сокровище для всего мира уже навсегда. Но еще более важно, что Стравинский создавал ту технологию музыки, на которой базируется всё – от «Танца рыцарей» Прокофьева до He is a Pirate Ганса Циммера. Стравинский опережал своё время на столетие, и сейчас он понят еще не вполне.

К сожалению, его период после эмиграции неизвестен у нас слушателям чуть более чем полностью. А ведь это не только неоклассицизм балетов на темы греческих мифов, как гениальный «Аполлон Мусагет». Это не только эксперименты за гранью даже и модернизма в «Истории Солдата» и неожиданный перехват серийной техники главного эстетического противника Стравинского – Арнольда Шёнберга (они доходили до личных выпадов друг против друга) – на мой взгляд, эстетическая вершина этого периода в балете «Агон».

При этом русский ум Стравинского неизменно внутренне гармонирует, приводит к действительному эстетическому совершенству модернистские эксперименты. Стравинский – это музыка вместо сумбура. Наконец, это работа в традиционном для русских композиторов жанре духовных песнопений. Настоящий шедевр – его «Верую». Символ веры, который поется быстро, радостно и утвердительно, в темпе джаза.

Хотите понять, что такое Православие не как пресловутая «унылая фофудья», слушайте духовные песнопения Стравинского.

В «нашем новом мире», где вместо музыки царил агитпроповский сумбур, Стравинскому место, разумеется, нашлось только на периферии, где-то между подзабытым Скрябиным и вписанным в чиновное кресло Хренниковым. И дело было не в том, что он эмигрант. Рахманинов тоже был белоэмигрантом, а Стравинский как мало кто охотно выступал в СССР.

Дело было не в модернизме самом по себе. Последователи Стравинского Прокофьев и Шостакович тоже были модернистами. Но они согласились стать «попроще», чтобы быть понятыми широкими массами рабочих, крестьян и партийных чиновников. Стравинский же работал, создавая совершенно новые музыкальные формы и форматы.

Он работал там, где любой компромисс был равен окончанию творчества.

Сегодня в Амстердаме есть улица Стравинского, в Париже фонтан и площадь Стравинского, в Монтрё – вообще улица «Весны священной». У нас – нет.

Как нет и памятника. Это позор. Не замечать русского, который произвел революцию в мировой музыке и бухтеть, что ему отведено слишком много места, – это очень по-нашему, к сожалению...

Но если раньше нам форматировал мозги агитпроп, теперь мы успешно делаем это сами.

В современном мире недостаточно обложиться ракетами, взлетать в космос, иметь много нефти и собирать кучу золотых медалей. Современный мир – это культурная гегемония. Кто не может доказать своего культурного превосходства, кто позволил себе провалиться в гуманитарное отставание, тот проиграл.

Поэтому мы не можем себе позволить ни малейшего культурного провинциализма и самоуслаждения непонятой «собственной гордостью». Если у нас есть гордость, она должна быть понята миром.

Утвердить культурное величие России в мире можно, только если грамотно эксплуатировать то, что уже этим миром признано, – как Рублев и Кандинский, Толстой и Достоевский, Чайковский и Стравинский, – и при этом продвигать то, для чего мы хотим добиться признания.

Если мы считаем принципиально важным то или иное культурное явление, нам следует добиваться его общеевропейского признания и американского тиражирования. Сейчас, на мой взгляд, это прежде всего древняя русская культура, незнание и неосознание которой Западом превращает нас в его глазах в очень молодую нацию, этакого исторического парвеню.

Еще, на мой взгляд, заслуживает специальных усилий продвижение как композитора мирового значения Георгия Свиридова. Именно на его музыку был поставлен этот великолепный супрематический балет. Я смотрел его и думал, что теоретически его музыка из «Метели» идеально подошла бы ко всем эпизодам этого шоу.

«Тройка», «Марш», «Вальс». Очень идеологичный, очень техничный композитор, настоящий художник в музыке, способный музыкальными средствами выразить и образ, и отвлеченную идею. Пламенный русский патриот.

При этом, как Чайковский, умеющий с легкостью делать вещи, понятные массам, «попсовый» в лучшем смысле слова. Подняв Свиридова со статуса национального на статус мировой, мы, думаю, много выиграем.

Кстати, сами Стравинский и Дягилев сумели в свое время добиться именно такого продвижения Чайковского, которого Запад не признавал, считая ниже, «попсовый» Бородин. Французы говорили, что Чайковский «вульгарен». Такой вот парадокс: создатели национальной и даже националистической музыки Римский-Корсаков, Бородин и Мусоргский прославились в Европе раньше, чем европеец и западник по музыкальной школе и техническим приемам Чайковский.

Но Дягилев и Стравинский научили Запад любить Чайковского, а сегодня Чайковский учит любить Россию. Есть чудесная книга американки Сюзанны Масси «Земля Жар-Птицы. Краса былой России» – невероятно вкусное, плотное повествование, способное убедить любого (включая даже скептического русского интеллигента) в том, что русская культура с древности представляет собой невероятно увлекательное и драгоценное явление. Не случайно эта книга названа в честь балета Стравинского. Русская культура для всего образованного и цивилизованного мира – это не оскалившийся медведь с водкой и огнестрельной балалайкой.

Это чудесная невообразимая Жар-Птица. Пора бы ей уже восстать из пепла и для нас.

10 февраля 2014

Право на Крым

События вокруг референдума Крыма о воссоединении с Россией зеркально напоминают историю с отделением Украины от СССР в 1991 году. Напомню, 24 августа 1991 года Верховный совет УССР провозгласил независимость Украины, немедленно поддержанную США. К 1 декабря, когда состоялся референдум об отделении от Украины, это было фактически независимое государство, где три месяца продолжалась обработка населения прессой и ТВ, анти-советская и антирусская истерия, моральный, а порой и физический террор.

Именно это событие – отделение Украины – было реальным концом СССР, а Беловежские соглашения – лишь последней судорогой агонии.

Сегодня тот же сценарий – сначала решение Верховного совета, потом референдум – повторяет Крым. Повторяет к возмущению нелегитимных ни с какой, кроме американской, точки зрения властей Украины и сочувствующего им российского «креативного класса», который рассматривает воссоединение Крыма едва ли не как личное поражение, что еще раз говорит разногласия у этих граждан не с Путиным, а с Россией и русским народом.

Разумеется, такое решение должно было состояться еще в 1991–1992 годах, поскольку Крым никогда не хотел находиться в составе Украины и все это отлично знают. Но тогда российская политическая элита предала крымчан, предала президента Мешкова и премьера Сабурова. Предала, поскольку вообще не связывала своих интересов с непосредственными территориальными интересами русского народа. Поэтому неизбежное затянулось практически на четверть века.

Заметим, что срок между решением Верховного совета Крыма (6 марта) и референдумом (16 марта) настолько мал, что вынудить, запугать, убедить кого-то проголосовать на нем иначе, чем он думал в последние годы, будет просто технически невозможно. Это не обработка украинцев в сентябре-декабре 1991-го. При всем при этом никто не сомневается в сокрушительно пророссийских результатах голосования, потому что настроения Крыма никогда не менялись – вынужденное нахождение в составе Украины осознавалось всеми русскими и даже многими из украинцев в Крыму как оккупация иностранным государством.

На этом фоне абсурдно говорить о «территориальной целостности Украины», как осмелился высказаться от имени не поручавших ему этого всех фракций российского парламента председатель комитета по международным делам достопочтенный господин Слущкий. Начнем с того, что не существует документов, обязывающих Россию уважать территориальную целостность Украины в отношении Крыма. Передача Крымской области УССР решением Президиума Верховного Совета СССР в 1954 году была незаконной.

Верховный Совет РСФСР не принимал такого решения, не было получено его согласие, между тем по Конституции РСФСР согласие Верховного Совета РСФСР было обязательным. «Статья 16. Территория РСФСР не может быть изменяема без согласия РСФСР». При создании Карело-Финской ССР эта норма в 1940 году была соблюдена, при передаче Крыма в 1954-м – нет. Еще интереснее с Севастополем, который, будучи городом республиканского подчинения РСФСР, не входя в передаваемую УССР Крымскую область, вообще никогда не передавался в состав УССР и был захвачен ею явочным порядком.

То, что было незаконным в составе СССР, не могло, разумеется, стать законным, после того как Украина, тоже не слишком законным путем, приобрела независимость. То, что Крым может послужить камнем преткновения при получении независимости Украиной, прекрасно сознавали сами украинские националисты. Командовавший Черноморским флотом в 1992–1996 годах адмирал Э.Д. Балтин рассказывал автору этих строк, что лидер «Руха» Вячеслав Черновол носился с идеей предложить Крым в аренду России, так как только это сможет заста-

вить ее признать суверенитет над ним Украины. Как оказалось, сложных маневров не понадобилось, достаточно было «kozyревской» дипломатии.

Однако даже в рамках этой дипломатии уступок Россия так никогда и никак не пошла на признание неприкосновенности украинских границ де-юре, хотя многократно подписывала с Украиной договоры, в которых признавала эти границы как факт. Пресловутый Будапештский меморандум 1994 года, на который постоянно ссылаются в последнюю неделю как на якобы гарантию Россией, США и Великобританией границ Украины, мало того что не ратифицирован – Владимир Путин признал прописанные в нем обязательства несуществующими в связи с государственным переворотом на Украине и прекращением легитимной власти в Киеве.

Дело еще и в том, что Будапештский меморандум содержит при упоминании неприкосновенности границ Украины ссылки на заключительный акт Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (СБСЕ). «Подтверждают Украине свое обязательство в соответствии с принципами Заключительного акта СБСЕ уважать независимость, суверенитет и существующие границы Украины» в духе Хельсинкского акта 1975 года. «Государства-участники рассматривают как нерушимые все границы друг друга, так и границы всех государств в Европе, и поэтому они будут воздерживаться сейчас и в будущем от любых посягательств на эти границы. Государства-участники будут уважать территориальную целостность каждого из государств-участников».

Дело в том, что Хельсинкский акт уже был разрушен в 1991 году признанием западными странами республик, отделившихся от Югославии. После 1999 года, когда сначала силовым путем было отделено, а затем признано странами НАТО Косово, говорить об уважении к принципам заключительного акта СБСЕ не приходится. Причем демонтаж хельсинкских принципов начали как раз США. Еще и черевичек не успела сносить Украина, как принципы СБСЕ были ликвидированы США полностью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.